

численныхъ академій Европы, вмѣстѣ взятые; онъ обратился къ исторіи языка и къ языку народному.

„Сентиментализмъ Бернадэна, Карамзина и Ричардсона далъ возможность Пушкину, въ жизни поклоннику свѣтскихъ дамъ, создать такіе плѣнительные образы простодушныхъ и любящихъ дикарокъ, какъ черкешенка въ „Кавказскомъ Пѣвникѣ“, Марья Ивановна въ „Капитанской Дочкѣ“. Нужно ли говорить, насколько эти образы живѣе Лизы и Виргиніи?

„Баллады Бюргера и Жуковского, поэмы Вальтера Скотта воодушевили Пушкина къ созданію „Вѣщаго Олега“, „Утопленника“, „Русалки“. Нужно ли доказывать, что фантастика Пушкина здоровѣе и художественнѣе, нежели у его образцовъ?

„Поклоненіе среднимъ вѣкамъ и рыцарству у Пушкина явилось какъ пониманіе ихъ и художественное воспроизведеніе въ „Скупомъ Рыцарѣ“ и „Спевахъ изъ рыцарскихъ временъ“.

„Критическія положенія Лессинга, хотя бы и узнанныя черезъ третьи руки, обратили его въ послѣдствіи къ Шекспиру, дали ему вѣрное понятіе о драмѣ и были косвенною причиною появленія „Бориса Годунова“.

„Апофеозъ поэзіи и отвращеніе отъ прозы практической, филистерской жизни, такъ сильно выраженные въ „Вертерѣ“ и доведенные до абсурда Шлегелемъ, у Пушкина выразились твердымъ убѣжденіемъ въ независимости искусства отъ какихъ бы то ни было извѣстнѣ наложенныхъ цѣлей и въ его высоко гуманномъ значеніи“.

Относительно „Руслана и Людмилы“ новый критикъ не соглашается съ мнѣніемъ Бѣлинскаго, который не находилъ здѣсь ни тѣни „романтизма“ и ничего народнаго, кромѣ имени Г. Кирпичниковъ соглашается, что „Руслана“ нельзя сравнить въ этомъ послѣднемъ отношеніи съ пѣснями Кольцова, съ пѣсней о „Кушцѣ Калашниковѣ“ Лермонтова, даже съ позднѣйшими сказками самого Пушкина; но историко-литературныя явленія надо сравнивать не съ послѣдующими, а съ предыдущими и современными явленіями, и въ этомъ случаѣ „Русланъ“ былъ несомнѣннымъ успѣхомъ; можно ли поставить рядомъ съ нимъ „Громобоя“ Жуковского, не говоря объ „Ильѣ Муромцѣ“ Карамзина? Положимъ, что извѣстное введеніе явилось только въ изданіи 1828 года; но цѣлый рядъ сказочныхъ подробностей взять дѣйствительно изъ русской сказочной старины, хотя и переплетенъ съ позднѣйшей фантастикой романской поэзіи; самый языкъ пересыпанъ народными выраженіями. И затѣмъ Пушкинъ не остановился на этомъ: онъ продолжалъ изучать народную поэзію, сознательно чувствуя